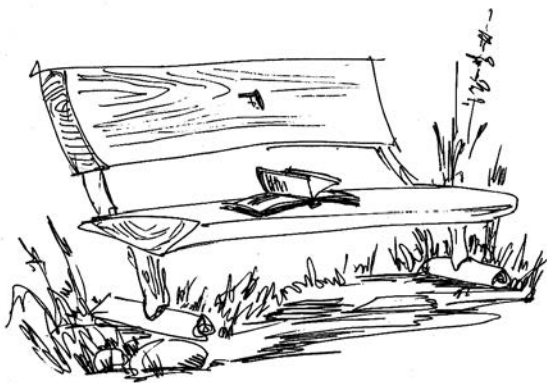

Николай Борисов

Памятник Ломоносову

Российская власть не любит ставить памятники великим людям. Обратите внимание, как мало их на улицах наших городов. Возможно, это связано с православной традицией, которая, как известно, не жалует скульптуру. А может быть, проблема в комплексах нашей власти, сознающей свою неприглядность на фоне великих людей прошлого. Но не исключено, что всё дело в бедности и жадности. Ведь памятник стоит немалых денег.

Но вот в богатой Москве, где нашли деньги даже для памятника бездомной собаке, власти не сочли нужным поставить памятник основателю единого Русского государства Ивану III. Или они просто забыли, кто, собственно, сбросил власть Орды и построил для них Кремль?

Ломоносову в этом отношении повезло больше, чем «государю всея Руси». И Петербург, и Москва, и даже Архангельск имеют своих бронзовых Ломоносовых.

Но чаще них вспоминается мне памятник на Курострове...

На окруженном песчаными отмелями острове посреди Северной Двины вольно раскинулось село Ломоносово. Удаленное от всего на свете, кроме сонных Холмогор, оно привлекает редких путешественников, главным образом, как родина «великого помора» Михаила Васильевича Ломоносова. Никаких построек тех времен (за исключением бесконечно реставрируемой церкви) в селе не сохранилось.

На окраине села, ближе к переправе через Курополку, из обычного деревенского пейзажа выделяется двухэтажный деревянный дом с высокими окнами. В облике его заметны черты некоторого архитектурного благородства. Центральная часть главного фасада отмечена плоским ризалитом в три окна и увенчана скромным аттиком. В этом необычном доме размещается сельская школа. К школе ведет выложенная бетонными плитками дорожка, обсаженная буйно разросшимся кустарником. Особый колорит этому месту придают два или три чугунных фонаря, гордо высящихся над некошеным разнотравьем. Их стеклянные головы, разумеется, давно разбиты меткими выстрелами из рогатки.

В конце дорожки на невысоком пьедестале из розового гранита сидит на камне бронзовый Ломоносов. Памятник установлен в 1958 г. и сильно напоминает открытый годом ранее памятник Ломоносову перед старым зданием Московского университета. Оба они изготовлены скульптором И.И. Козловским (1913–1993).

Навсегда уйдя из родного села 19-летним юношей, Ломоносов в бронзе вернулся сюда в облике зрелого мужа. Сурово сдвинутые брови ученого, гневно опущенные уголки рта, напряженная поза — всё говорит о готовности к борьбе с недругами российской науки.

Дух помпезности, идеологической заданности витает над этим монументом. Оно и понятно: в послужном списке его создателя — одобренные всевозможными «инстанциями» памятники Энгельсу, Ленину, советским генералам-орденоносцам и Александру Невскому «со дружиною».

Сказать по правде, не такой памятник Ломоносову хотелось бы мне увидеть на его родине, в этом краю великой тишины и холодных вод. Впрочем, спасибо и на этом.

Вполне могло не быть и такого. Россия — страна замедленного действия. Решение об установке памятника на родине Ломоносова было принято Советом Министров СССР в 1947 г., а открытие состоялось только в 1958 г.

Возле памятника Ломоносову, всё же воздвигнутого «во глубине России» вопреки нашей постыдной лени и невежеству, хочется помолчать и подумать. Но для начала — присесть на старинную скамейку с изящно выгнутой спинкой и вытянуть усталые ноги...

Нет, я, конечно, не жду здесь подобной роскоши. Я только представил себе, как всё это — мемориал на родине национального гения! — могло бы выглядеть где-нибудь там.

Впрочем, и здесь ничто не мешает нам, прислонившись спиной к родной осинке и закурив сигарету, порассуждать об одном из великих чудес русской истории — феномене Ломоносова...

С детства в сознании Ломоносова запечатлелись два величественных образа: бескрайнего холодного моря и вырастающего из моря сказочного острова. Конечно, 19-летний сын помора-предпринимателя не раз вместе с отцом приходил на Соловки — в эпицентр религиозной и деловой жизни Беломорья. И, может быть, не далек и тот день, когда какой-нибудь архивный юноша найдет, наконец, подтверждение этому в запыленной папке с чистым листом использования. А еще лучше (да, конечно, я понимаю... и всё же!), если на каком-нибудь почерневшем от времени деревянном кресте вдруг обнаружится вырезанная острым ножом надпись: «Господи, помоги рабу Твоему Михайле сыну Ломоносову...»

Но даже и без всяких вещественных доказательств я буду настаивать на том, что духовная родина Ломоносова — Соловки.

Конечно, он был здесь. Он ходил вот этой исхоженной и нами дорогой вдоль Святого озера, мимо Никольской башни, потом под горку — к Филипповской часовне, и далее берегом — к нынешнему Тамариному причалу. Ведь всякий знает, что именно оттуда необыкновенно красив бывает отраженный тихими вечерними водами монастырь. А на другой стороне залива из низких сиренево-багровых облаков тут и там опускаются к морю колонны золотистого света. И думается мне, что первые поэтические струны зазвучали в душе Ломоносова именно здесь, на этих благословенных Богом островах.

На Соловках многое удивительным образом напоминает о Ломоносове. Нет, не в прямом,

Памятник М.В. Ломоносову в с. Ломоносово. Фото автора

буквальном смысле, а в смысле переносном, символическом, метафизическом.

Ломоносов — это величественный первобытный хаос. Он грандиозен и беспорядочен, как валунная россыпь на Муксалме. Впрочем, иначе и быть не могло. Его образ жизни и манера поведения складывались из самых разных культурных традиций. Простота нравов крестьянской избы, бесприютность затерянного в волнах утлого карбаса, кулачные законы московской биржи, дуэльный кодекс и высокие понятия о чести германского студенчества, азы дворянского политеса при дворе Елизаветы, льстивое угодничество и мелкие интриги в академии... Все эти ситуации и соответствующие им модели поведения причудливо переплетались в сознании Ломоносова. Добавим к этому израненное вечной нищетой и высокомерием вельмож чувство собственного достоинства. Не забудем и глубокое одиночество — вечную плату за талант. В результате получим сложную формулу характера великого ученого.

Погруженный в размышления, он не всегда умел найти соответствующую ситуации линию поведения. К тому же могучая машина его организма часто начинала действовать быстрее, чем мозг успевал следить за ее действиями. В Германии на студенческих кутежах Ломоносов сорил деньгами, словно сиятельная особа, в России

в Академии наук дрался с профессорами, как на пирушке с буршами. Однажды, встретив на лесной дороге трех грабителей, он бросился на них с такой яростью, точно не они, а он собирался их ограбить. В эпоху, когда сословное деление общества казалось естественным как сама природа, он не спешил к дверям встречать карету всесильного Шувалова. И это не был социальный протест или театральная поза. Просто он был занят в это время какими-то сложными вычислениями в своем летнем кабинете. А с точки зрения математики, все люди абсолютно равны.

Умные люди прощали Ломоносову некоторую неадекватность его поведения, объясняя ее странностями гения. К счастью, среди этих умных людей оказалась императрица Елизавета и ее любимец Иван Шувалов.

* * *

Кажется, Александр Блок однажды с горечью заметил: «Как случайно всё великое в России...» Ломоносов всей своей судьбой подтверждает это наблюдение. На разных этапах его жизни были ситуации, когда по всем законам общежительной физики он должен был «сойти с дистанции». И каждый раз судьба милостиво протягивала ему руку. На Соловках эту милость судьбы назвали бы иначе...

Рассуждая о роли случая, удачи в жизни Ломоносова, заметим, что очень благоприятным оказалось и время, в которое он вступил на сцену истории со своими природными дарованиями. «Недостаточно родиться великим человеком, необходимо еще родиться вовремя», — утверждал французский историк О. Минье. Напомним исторический контекст. После пяти лет пребывания в Германии Ломоносов вернулся в Петербург летом 1741 г. Результаты его «стажировки» были достаточно противоречивы. С одной стороны, он многое узнал и многому научился, но с другой — вел себя на Западе весьма своеобразно, со

скандалом ушел от предписанного ему наставника, целый год скитался по Европе с непонятной целью и, наконец, обзавелся тайной семьей. В итоге Ломоносов не без опасений за своё будущее возвращался в Отечество. Образ всесильного Шумахера, библиотекаря академии и ее фактического правителя, грозной тучей вставал на жизненном горизонте Ломоносова.

Но всё удивительным образом устроилось. Шумахер встретил Ломоносова как родного и тотчас принял на службу в академию. Дальнейшая его карьера — при всех кознях завистников и недоброжелателей — развивалась, как по маслу. Крестьянскому сыну явным образом покровительствовали «сильные мира сего» и сама императрица Елизавета Петровна...

За всем этим стояли тектонические сдвиги в сознании правящего класса Российской империи, происходившие в начале 40-х годов XVIII в.

Петр I превратил Россию в могущественную европейскую державу. Важной стороной петровской «модернизации» было широкое привлечение иностранцев во все сферы жизни общества. Такая практика неизбежно порождала карьерные стычки и вызывала понятное раздражение у собственно российской знати. Но властная рука Петра держала ситуацию под контролем. В правление Анны иностранцы (хотя и сильно обрусевшие) плотным кольцом окружали трон и фактически управляли (хорошо или плохо — особый вопрос) Российской империей. «Дело Вольнского» показало силу этой касты. Регентство Анны Леопольдовны не принесло принципиальных изменений ситуации. На смену опальным аннинским любимцам пришли новые, но столь же чуждые русскому слуху фамилии. Однако слабость режима регентства позволила Елизавете совершить переворот и захватить трон. Придя к власти под знаменем патриотизма и возвращения к национальным ценностям, новая правящая команда создала спрос на всё российское, отечественное, самобытное. Заметим, что для лучшей части русской знати это была не только политическая демагогия, но и внутренняя потребность.

Тонким чутьем опытного интригана Шумахер уловил новые настроения и «дал зеленый свет» русскому самородку, автору патриотической «Оды на взятие Хотина» Ломоносову. Разнообразные таланты Ломоносова стали неопровержимым доказательством высокого творческого потенциала русского народа, сильным аргументом в споре о том, может ли Россия развиваться собственными силами, без помощи высокомерных иностранцев. Ломоносов стал не просто профессором Академии наук, но

знаковой фигурой, символом и знаменем русского патриотизма.

При Петре I, не мыслившем успеха своего дела без участия Запада, роль знамени русской национальной партии могла привести Ломоносова прямо на Соловки. При Екатерине II с ее «обще-европейскими ценностями» эта роль обеспечила ему скорую отставку со всех постов в академии. (Впрочем, Екатерине быстро объяснили *что* стоит за этим амбициозным и вечно недовольным чудачком-профессором. Смышленная императрица поспешила областить Ломоносова и вернуть его в академию.)

* * *

Мы почти ничего не знаем о личной и семейной жизни Ломоносова. Занятый своими мыслями и вполне самодостаточный, он не любил выезжать в свет, не искал почестей и даже дочери своей не нашел лучшего жениха, чем смиренный библиотекарь.

В его домашнем обиходе царил такой же первобытный хаос, как и в его великой голове. Пушкин, тонко понимавший поэзию личности Ломоносова и бережно собиравший крупицы воспоминаний о нем, рассказывает замечательную по колориту историю. «В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михайле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! бывало от него всегда бегали к нам за кофейником...»¹

* * *

Случилось так, что Ломоносов попал в реестр «канонизированных» советской пропагандой «великих русских ученых». В этом качестве его вспоминали и в период «борьбы с космополитизмом». Но времена изменились — и все миры прежнего режима подверглись строгой проверке на прочность. Естественно, пришли *и за ним*. Вопрос звучал как ответ. А был ли и вправду Ломоносов великим ученым? Какой такой закон природы или, скажем, теореме или формулу потопки назвали его именем?

Скепсис относительно научных заслуг Ломоносова и сегодня распространен и предсказуем. В качестве утешительного приза критики отводят ему место первого русского просветителя.

Однако червь сомнения не в силах подточить славу гения. Научные достижения Ломоносова

признаны как в России, так и за рубежом. [Желающие могут убедиться в этом, познакомившись, например, с изданной не так давно издательством «Русский мир» антологией «Михаил Васильевич Ломоносов» (М., 2004).]

Но Ломоносов не только гениальный ученый. Его образ — необходимый элемент русской национальной памяти. Историческая мифология как некая система представлений о людях и событиях прошлого есть у каждого народа. Она питается разными источниками. В их числе и фольклорная стихия с ее глубинной системой ценностей, и государственная власть с ее идеологическими установками. Миф — не докучная выдумка или злонамеренная ложь. Зерном мифа всегда служит реальность — жизнь и деятельность выдающейся личности.

В исторической мифологии всегда присутствует некий баланс светлых и темных мифов. И те и другие необходимы. В их соотношении отражается существующий в жизни баланс добра и зла.

Для специалиста вечным соблазном служит нападение на хрустальный замок мифа. Глядя на такого разрушителя с чувством сожаления, мы все же не можем запретить ему это делать. Наука имеет право на сомнение. Более того, это является ее прямой обязанностью. Но нельзя забывать, что научная истина обычно бывает условной и промежуточной. Научная истина и истина мифов существуют как бы в разных измерениях. Словом, признаем, что, не мешая друг другу, могут существовать два Ломоносова: один — живший в свое время человек, достоинства и заслуги которого подлежат обсуждению, и другой — светлый миф русской исторической памяти. И этот второй Ломоносов необходим, полезен и потому — вечен. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что если бы Ломоносова не было, его следовало бы придумать.

Но Ломоносов, к счастью, был.

* * *

Педагогическая поэма о Ломоносове стала складываться еще при его жизни, и отчасти была придумана им самим, его рассказами о своем крестьянском детстве, злой мачехе, школярских мытарствах и студенческих похождениях. Дидактическая составляющая этого произведения очевидна: трудолюбие и упорство преодолевают все препятствия на пути к поставленной цели. Со временем эта история превратилась в своего рода «житие». Ключевые события этого жития просты и отчетливы, как клейма на иконе. Всмотримся в одно из них.

¹ А.С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 391–392.

В бесчисленных устных и письменных рассуждениях о судьбе Ломоносова обязательно присутствует глубокомысленная ссылка на его северное происхождение, благодаря которому в характере гения появились такие черты, как свободолюбие и смелость, трудолюбие и смекалка, любознательность и настойчивость. Однако эти суждения не следует понимать слишком буквально. Своими талантами и качествами Ломоносов был обязан родителям и Господу Богу — и более никому. И на Севере всегда хватало людей заурядных, лишенных перечисленных выше добродетелей. А сколько выдающихся людей дали России ее Юг, Восток и Запад?

И всё же природа, безусловно, накладывает отпечаток на живущего в ней человека. Ломоносовский Север — это, прежде всего, величественное, бесконечно изменчивое в своей неизменности, пугающее и манящее море. Оно вселяет в человека энергию и вместе с тем делает его философом.

Но человек не может жить в море. Он сходит на берег и возвращается к своей повседневности. Но что такое повседневность архангельского Севера, спасаясь от которой Ломоносов и ушел в Москву с житийным «рыбным обозом»?

Известная поморская поговорка: «Из чего состоит жизнь в Архангельске? Она состоит из трех вещей: доски, трески и тоски». Юный Ломоносов ушел в Москву именно тогда, когда понял, что еще один шаг — и он станет пожизненным пленником этих трех вещей. Тлевшая в его душе «искра Божия» вспыхнула ярким пламенем. Он отпросился у отца в Москву, вероятно, для каких-то дел с тамошними архангелогородцами. Но из этой «командировки» Ломоносов, как известно, так никогда и не вернулся. И даже к концу жизни у него не появилось сентиментального желания посетить места детства. Сумрачный Север с его треской и тоской, с заваленными снегом маленькими деревнями явно не привлекал «великого помора». Впрочем, посещавшие его в Петербурге земляки встречали хороший прием. Не чуждый некоторого тщеславия, Ломоносов любил показывать им свой каменный особняк с обширным садом. Земляки дивились, завидовали и получали подарки. А племянница даже была взята в дом в качестве прислуги...

* * *

Кроме моря Север остался в памяти Ломоносова прекрасным образом Соловков. Русский Афон, маленькое монашеское государство со своими законами и властями. Такими Соловки были в прошлом, такими

станут и в будущем. Какие чувства испытал бы Ломоносов, оказавшись среди «непогребенных мертвецов»? Так называли себя отрешившиеся от мира иноки.

Отношение Ломоносова к религии — как и многое другое в нем — было весьма противоречивым. Вот что говорил об этом русский философ-эмигрант Иван Иванович Лашин (1870–1952): «Почти про всех остальных крупных русских писателей XVIII века можно сказать, что они в религиозной области, в общем, не выходили из рамок церковного традиционализма, лишь привнося в этот круг идей кое-что из современной западной философии... Отношение Ломоносова к религии представляется совершенно иным. Внук диакона по матери, глубоко религиозный юноша, великолепно знавший церковную службу, любивший в детстве стихотворные переложения Псалтири Симеона Полоцкого, воспитанник Славяно-греко-латинской Академии, он в то же время не поверхностно прикоснулся к западной философии... но в течение почти пяти лет (1736–1741) прошел лучшую философскую школу того времени у Христиана Вольфа и глубоко проник в дух и метод естественных наук. Он вполне ассимилировал в своей душе средневековый склад идей, а с другой стороны — склад идей новой европейской науки и философии, и последняя в его развитии, несомненно, одержала верх над первой»².

Отношение Ломоносова к самому институту монашества сильно отдавало петровским рационализмом и протестантским прагматизмом. В знаменитом рассуждении «О сохранении и размножении российского народа» (1761) Ломоносов бросает тогдашнему инокеству убийственные упреки. «Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство... Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет»³.

Но значит ли всё это, что Ломоносов не верил в Бога? Отнюдь нет. Как все великие люди, он выстраивал свои собственные, глубоко личные отношения с определяющей наш путь высшей силой.

«Создатель, — говорит Ломоносов, — дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величие, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, вторая — книга Св. Писания. В одной книге сложения видимого мира суть

² Михаил Васильевич Ломоносов. М., 2004. С. 717–718.

³ Там же. С. 219.

физики, математики и прочие толкователи Божественных в натуре влияющих действий суть таковы, каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учителя. Астроному открывают храм Божеский. Толкователи и проповедники Священного Писания показывают путь к добродетели, представляют награждение праведным, наказание законопреступным и благополучное житие с волей Божией согласного»⁴. Таким образом, изучение природы видится Ломоносову как своего рода священнодействие, сопоставимое по значимости с трудами и подвигами святых.

К этому остается добавить, что не только по философской стороне своих ученых трудов, но и по той самоотдаче, с которой он осуществлял эти труды, аналогии из области религии вполне уместны. Ломоносов был истинным «монахом науки» — отшельником мысли и подвижником просвещения.

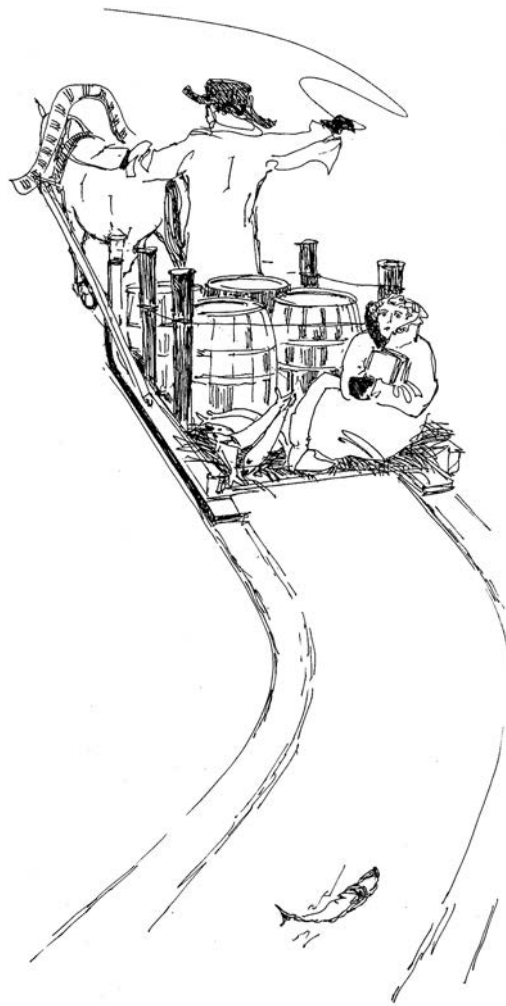
«По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать»⁵.

Не любивший придворной и академической «тусовки» Ломоносов, когда этого требовали интересы дела, не уклоняется от роли публичного человека.

Словом, это был странный, необычный русский. Вспомним известную характеристику русского национального характера, данную Ключевским в 17-й лекции знаменитого «Курса русской истории»: «Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен...»⁶

Безусловно, по своему отношению к жизни как постоянному и осмысленному труду Ломоносов был европейским человеком. Пять лет жизни в Германии в возрасте, когда отечкаиваются характер и мировоззрение человека, сделали свое дело. Но при этом он не утратил русский размах и это удивительное русское качество — внутреннюю независимость.

Соловки — остров независимости. Здесь, как и в глубинах Восточной Сибири, — край, дальше которого не сошлот. Здесь рука власти достигает своего предела. Дальше Соловков — только море и небо. Эта не формальная, а сущностная

«соловецкая» независимость, вероятно, запомнилась Ломоносову. А гениальные для своего времени технические проекты святителя Филиппа Колычева, неуемный дух соловецкого игумена воодушевили бы его на новые изобретения и открытия.

Ломоносов — и Филипп Колычев... Столь далекие во времени, но в чем-то очень близкие друг другу русские люди. Филипп превратил дикие острова в удивительный сплав материального и духовного начал. Он достиг торжества духа над косной материей. Слепая сила гигантских валунов была поставлена на службу человеку. Хаотическое движение воды направлено в русло рукотворных каналов и протоков. Это проникновение разума в природу, превращение внешнего, видимого хаоса во внутренне разумный, благоустроенный космос и было главной целью всей жизни Ломоносова как ученого.

⁴ Там же. С. 720.

⁵ Там же. С. 206.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 315–316.

Наше представление о том, как выглядел Ломоносов, основано главным образом на двух источниках — бюсте ученого работы Федота Шубина и картины неизвестного художника, на которой ученый сидит возле столика с пером в руке. И то и другое произведение создано было много лет спустя после кончины Ломоносова и представляет своего рода иллюстрацию к мифу о нем. Бюст более реалистичен, но картина более известна благодаря бесчисленным иллюстрациям. Ярко-красный камзол, алые, словно накрашенные, губы, белое круглое лицо, театральная поза «вдохновенного пиита», застывшего с пером в приподнятой руке — всё в этой картине манерно и условно. Ломоносов напоминает здесь раскрашенную фигурку из мейсенского фарфора, какой любили украшать горки со столовой посудой. К сожалению, таким и остается он в памяти школяров, разглядывающих иллюстрации в учебниках.

«Российский народ гибок», — говаривал Ломоносов⁷. Действительно, гибок. Сколько крутых перемен в образе жизни и образе мыслей выдержал он на своем долгом историческом пути, выдержал, согнувшись, но не сломавшись. И до такой степени стал гибок, что порой, как змея, сворачивается в кольцо, в круг. А в круге, как известно, умещается всё...

Мне давно казалось, что в России живут как бы два разных, хотя и говорящих на одном языке народа: русские *делающие* и русские *болтающие*. Первые работают головой и руками, вторые — преимущественно языком. Первым Россия обязана своей славой и могуществом, вторым — своим бесславием и нынешней униженностью.

Не будучи уверенным в справедливости этой классификации, я однажды нашел ей неожиданное подтверждение в рассуждениях Максима Горького: «Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения — болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу ее, к возбуждению в людях дееспособности»⁸. Так говорил Горький, и по судьбе своей, и по жизненной цели многим схожий с Ломоносовым. Можно по-разному относиться к «буревестнику революции». Но упрекнуть его в незнании своего народа нельзя.

Эта амбивалентность русского народа очень отчетливо видна на Соловках. *Делающие* с именем

Божьим на устах создали здесь величественные постройки, дамбы, каналы, мельницы, причалы и еще многое такое, что превратило остров в своеобразный памятник одухотворенному труду. *Делающие* бережно восстановили на архипелаге то, что было раздавлено «красным колесом». *Болтающие* отметились на острове разрушением и хаосом. Облеченные властью, они брались за то, за что не стоило браться, и не брались за то, что следовало бы сделать. Даже предприняв нечто полезное, *болтающие* бросали дело на половине. Следы их деятельности на Соловках — пепелища на месте старинных построек, «марсианские» руины недостроенных очистных сооружений, горы ржавого металлолома по берегу бухты, нелепый железобетонный причал у входа в монастырь и далее — по всем пунктам. При всем том они не догадались и до самого простого: ну хоть поставить скамеечки для путников вдоль долгих соловецких дорог. Чтобы мы могли присесть на них и, забыв о грустном, вдоволь поговорить о чем-нибудь высоком.

Ну вот хотя бы и о великом Ломоносове...

Борисов Николай Сергеевич

Родился в 1950 г. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Лауреат премии святителя Макария, митрополита Московского (1999).

⁷ Михаил Васильевич Ломоносов. С. 225.

⁸ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 26.